

Олесь Грек

Жестокий уран (фрагменты из книги)

Специалисты геологии и археологии — люди столь загадочные, интересные, что, кажется, могут заглядывать так далеко и глубоко и для них не существует ни границ, ни временных пределов. С эпохами, веками они разговаривают с такой достоверностью, как никто другой. И фантастические романы самых знаменитых сочинителей просто блекнут перед рисуемыми предположениями геологов и археологов.

Но мы поведем речь совсем о другой «фантастике», затронувшей судьбу не одного, а десятков виднейших светил геологической науки и всей геологической отрасли России.

И началась эта трагическая драма с, казалось бы, обыкновенного осколка, камешка урановой руды, так называемого карнотита.

Сейчас этот образец хранится у нас в музее геологии Центральной Сибири и имеет странный номер «23». Конечно, в самих цифрах ничего странного нет. Но не мы, хранители, никто другой не знает: откуда он появился? Каким образом очутился на сибирской земле?

Любому посетителю музея хранители минералов могут показать эту самую экзотическую штучковину: ее размеры равны примерно 10x7x5. Но лучше в руки загадочный осколок не брать, — подальше от греха. Он фонит, испускает радиоактивные лучи, превышающие допустимые нормы.

Однако же образец № 23 побывал не только в Красноярске, Минусинске, но посещал и Москву, где ему пристальное внимание уделяли такие деятели, как карающий многих Л.

П. Берия, секретарь ЦК ВКП (б) Г. М. Маленков. Некоторые утверждают, что образец № 23 позволял себе взять в руки даже генсек И. В. Сталин, но когда кто-то из приближенных шепотом произнес: «Берегитесь, товарищ Сталин, он радиоактивный!», генсек подальше отшвырнул канареечного цвета камень.

Есть ли в образце описываемого карнотита аналоги в сибирской земле? Есть, конечно! Но найти кусок руды, даже большего размера, чем № 23, еще не значит открыть месторождение.

Так, или примерно так, ответят специалисты-геологи, так рассудит и любой здравомыслящий. И на этом, как говорится, вопрос исчерпан.

А что, возможно идти и против здравого смысла? Нет, нельзя, не должно так быть!

И все же не будьте категоричны, хотя вы и правы.

Теперь же послушайте, вернее, прочтите некоторые утверждения из «Докладной записки товарищу Сталину И. В. товарищам Берия Л. П. и Маленкову Г. М. — «О предполагаемом районе месторождения, откуда происходит образец № 23 и где искать его аналогов?»:

«На заседании 30 марта 1949 года (имеется ввиду заседание Политбюро ЦК ВКП (б), — О. Г.), сообщая о процентном содержании (Ш. пишет формулу U_3O_8 — О. Г.) в образце № 23, я высказала свои соображения о районе, из которого, как я предполагаю, мог происходить этот, найденный мною в октябре 1947 года при странных обстоятельствах, «камень».

Страстное мое желание, чтобы это месторождение (а оно на юге Красноярского края не одно), было найдено уже в этом году».

Все, что в кавычках, скобках, принадлежит доносителю с подчеркиванием слов «не одно» и «в этом году».

Нам кажется, что вы, уважаемые читатели, уже для себя определили: докладную высоким вождям пишет некий, пусть даже чуток самоуверенный, но геолог, вернее, геологиня. Ну, кто же вот так безапелляционно станет доказывать, что урановых месторождений на юге Красноярского края, конечно же, не одно. И нечего долго церемониться, открывать их надо «уже в этом году».

Мы тоже удивились, когда узнали, что подобное писал, то есть, писала, не геологиня, а корреспондент газеты «Правда» по Красноярскому краю А. Ф. Шестакова. Зная, какие страшные последствия будет иметь 22-х страничная докладная, нам не хотелось бы даже упоминать имя подписантки, но сделать хоть раз придется, чтобы невзначай не подумали о другом человеке.

Шестакову звали Анастасия Федоровна, и тогда она, по ее утверждению в этой же докладной, была матерью единственного ребенка: «Он у меня — мальчик, и ему еще 17 лет».

После своей подписи журналистка, как и положено, указала, когда она сочиняла важную бумагу — «12 мая 1949 года. Москва. Печатала сама, 4 экз. 1 — товарищу Сталину И. В. 2-3 — товарищам Берия Л. П. и Маленкову Г. М. 4-в редакции у тов. Поспелова П. Н.».

Чем фактически занималась Шестакова А. Ф., скорее всего никто даже в редакции газеты «Правда», кроме ее главного редактора П. Н. Поспелова, и его заместителя Л. Ф. Ильичева, не знал. А функцию она на себя взяла особую.

Журналистка с каким-то патологическим остервенением убеждала вождей, что на юге Красноярского края, в Хакасско-Минусинской котловине, свила гнездо вражеская группа советских геологов, которая работает на японскую,

английскую, немецкую, американскую и другие разведки. Они, эти геологи, умышленно скрывают от правительства и народа богатые урановые месторождения, и вообще, вредят и вредили все годы советской власти, начиная еще до революции.

Компроматы Шестаковой А. Ф. составляют пуды, причем, обвинения сыпятся, как радиационные потоки из черных озоновых дыр. Изучая уже более двух лет разные документы, архивные материалы того периода, мы приходим к выводу, что «Дело геологов», или, как его иначе называют «Красноярское дело» геологов 1949 года, родилось отнюдь не спонтанно. И хотя в появившихся отдельных публикациях последнего времени, — а процесс над геологами носил сверхсекретный характер, — главным виновником называется корреспондент газеты «Правда», это не совсем верно, хотя у нас нет ни малейшего желания обелять ее. Вины Шестаковой А. Ф. более чем достаточно. Но она все же стрелочник, и не более того.

Да, Шестакова А. Ф. «охоту» на геологов повела давно. Еще до взрыва двух американских бомб в Хиросиме и Нагасаки, для изготовления которых требовалась урановая руда. Дважды, в 1944 и 1945 годах, она пишет на имя секретаря ЦК ВКП (б) Г. М. Маленкова докладные, в которых упрекает председателя Геолкома СССР И. И. Малышева, что он, его подчиненные и ученые-геологи Москвы, Ленинграда, Томска, Новосибирска, Иркутска, Красноярска работают плохо, своих обязанностей не выполняют, разведкой месторождений не занимаются, и вообще, черт знает, кому они служат.

Компетентный в своих делах И. И. Малышев обстоятельно ответил ЦК ВКП (б), что домыслы корреспондента газеты «Правда» не заслуживают внимания.

Шестакова А. Ф. на какое-то время затихла, но не отступает, а клюет и клюет И.И. Малышева, ставшего уже министром только что образовавшегося Министерства

геологии СССР, кстати, первого такого министерства. Ни в одной другой стране подобных министерств не было. И это еще одно свидетельство, как значимо оценивался вклад советских геологов, открытия которых поражали многих светил мировой геологической науки.

Видите ли, корреспондент «Правды», опубликовав ряд своих статей о месторождениях меди, о соде, скрываясь за псевдонимом «Сидоров», на одном из приемов у И. И. Малышева услышала от него «обидное» (скорее всего, полушутейное предложение министра), что, коль, у нее такие познания в геологии, то, быть может, перейти ей из журналистов в Мингео? Не мог себе Илья Ильич даже предположить, как дорого будет стоить ему его шутка.

А Шестакова А. Ф. усердно шастала между Москвой, Красноярском, Минусинском, Курагино, копая все глубже и глубже. Она, с карандашами в руке, — где красным, где зеленым, — проштудировала геологические отчеты геологов И. К. Баженова, В. В. Богацкого, А. Я. Булынникова, А. Г. Володина, И. Ф. Григорьева, В. М. Крейтера, М. П. Русакова, В. Д. Томашпольской, Ф. Н. Шахова, Я. С. Эдельштейна и многих других геологов, кто не один десяток лет отдал изучению полезных ископаемых не только Хакасско-Минусинской котловины, но и Кузнецкого Алатау, Горной Шории, Западного и Восточного Саян, Кузбасса, Алтая. Штудировала она их не для познания, а выискивала компромат, выискивала, где другой, якобы умолчал о том, о чем указывал первый или наоборот.

У Шестаковой А. Ф. было немало «помощников-доброжелателей» как из числа партийных работников, так и добровольцев-краеведов, называвших себя рудознатцами, а также, к сожалению, и среди собратьев-геологов. Последние особенно старались, ибо появлялась возможность «укусить» ближнего, отыгаться за что-то, да и себя, родимого, поднять в лице органов, особенно

органов безопасности. До чего же мерзко сегодня читать подобные доносы.

Мы знаем их подлинные имена, но, руководствуясь этическими правилами нравственности, не торопимся называть их, изменяем фамилии, хотя оставляем прежние должности, занимаемые такими сотрудниками. Те, кто работал с ними, легко их узнают. А нужно ли сегодня, чтобы о пакостных прошлых делишках сородичей, узнавали дети, тем паче внуки и правнуки? Нет, не стоит! Стукачи уже сами себя наказали.

Однако, об одном «верном» рудознатце вынуждены сказать прямо из чувства справедливости и с необходимости положить конец той фальсификации, которую он долгие годы создавал сам, его ближайшие «друзья» и все та же Шестакова А. Ф. Речь мы ведем о рудознатце Иване Григорьевиче Прохорове, курагинце, хорошо известном и в Минусинске, и в Красноярске, и в Томске, а особенно в органах бывшего КГБ. Его руками погублено много настоящих геологов, потому что он подписывал, несмотря на слепоту, такую клевету, которую ничем склеить невозможно.

Кто такой Иван Григорьевич Прохоров? И почему именно он стал той «разменной монетой», которой так беспардонно разбрасывалась корреспондент газеты «Правда»?

Прохоров Иван Григорьевич, как значится в архивных документах редакции газеты «Правда», переданные в МВД СССР в августе 1951 года, персональный пенсионер республиканского значения, техник-геолог I ранга.

Родился Прохоров И. Г. в 1887 году в деревне Тагашете, Курагинской волости, Енисейской губернии. С 10 лет работал с отцом в кузнице. В 1907 году был взят в армию, служил во Владивостоке в пулемётной команде. За революционную пропаганду отсидел в тюрьме 2 года и 8 месяцев. В конце 1913 года вернулся домой, занимался

кустарной работой. Весной 1914 года организовал Казанско-Богородскую трудовую горно-поисковую артель.

Здесь мы пока отступим от хронологического жизнеописания «выдающегося» рудознатца, потому что именно летом 1914 года родится то фантастическое событие, которое до сих пор (при желании можете разыскать увесистый сборник «Радиоактивность и радиоактивные элементы в среде обитания человека» (материалы Международной конференции, посвящённой 100-летию со дня открытия явления радиоактивности и 100-летию Томского политехнического университета), изданного в Томске в 1996 году) гуляет по страницам книг, публикаций.

Прохоров И. Г., конечно, не сам изобретёт, как исторический факт, свою встречу ни с кем-нибудь, а с самой Марией Склодовской-Кюри в тот период, когда он и возглавлял Казанско-Богородскую трудовую артель. Члены этой артели занимались сбором камней, образцов, минералов, а молодой Иван привозил их в Красноярск и сдавал в контору «Разведчик», за что ему выплачивали деньги, а он уже делил их в своей артели.

Однажды открыватель явления радиоактивности, уже дважды лауреат Нобелевской премии М. Склодовская-Кюри, проездом в Забайкалье (оговоримся сразу: Мария Склодовская-Кюри никогда ни в Забайкалье, а, стало быть, и в Красноярске не была, - О. Г.) встретила с Иваном Прохоровым, ознакомилась с его образцами и предсказала великое будущее радиоактивным рудам Хакасско-Минусинской котловины. Более того, лауреат Нобелевской премии подарила председателю Казанско-Богородской артели книги на русском языке со своими автографами, которые потом куда-то пропали.

Вы думаете это бред сивой кобылы? Нет, красочные, сочные рассказы Прохорова о своей незабываемой встрече с прославленным физиком печатались и печатаются до

сегодняшнего дня. И авторы подобных публикаций почему-то не удосуживаются хотя бы для собственного интереса поискать, а что о своей поездке в Россию рассказывала сама Мария Склодовская-Кюри, или выдающиеся российские её коллеги, которые, конечно же, не могли не знать, но и обязаны были с ней встретиться, - В. И. Вернадский, В. А. Обручев.

Если же этот факт наложить на другие из трудовой жизни Прохорова И. Г., учитывая, что он и вторично был призван в армию, уже после «встречи» с Марией-Кюри, попал в германский плен, вёл там агитационно-революционную пропаганду, вошёл в связь с немецкими «спартаковцами», бежал из плена, участвовал в гражданской войне, был красным партизаном, вёл борьбу с бандами Колчака, возглавлял Кнышинский волком партии, был чрезвычайным комиссаром продразвёрстки, председательствовал в коммуне «Красный луч», а с 1931 года, более 20 лет, как Прохоров И. Г. станет подчёркивать в своей автобиографии, проработал в системе геологии, то, видимо, станет понятным, почему именно он стал «родным, дорогим и близким» для Шестаковой А. Ф.

Прохоров И. Г. особенно усердно стал забрасывать партийные, государственные органы, вождей, редакции газет, службу безопасности своими претензиями, утверждениями о наличии месторождений после 1938 года, когда стал инвалидом I группы по зрению. Полуграмотный рудознатец убеждает всех, что геологи не хотят прислушиваться к его мнению, игнорируют его, потому что боятся признать за ним право первооткрывательства.

Подобные письма, скорее всего, попадали и в «Правду». С ними и знакомилась сотрудница Шестакова А. Ф.

Так зарождалась «шакалья стая», к которой присоединились специально выделенные партийными органами инструкторы Красноярского крайкома ВКП (б), геологической службы. И конечно, органов МГБ - КГБ.

Корреспондент газеты «Правда» по Красноярскому краю Шестакова А. Ф. под руководством главного редактора «Правды» П. Н. Поспелова, а также секретаря Красноярского крайкома ВКП (б) А. Б. Аристова готовили такую зловещую акцию, которая должна была потрясти мир.

Вы обратили внимание, что ещё не окончилась Великая Отечественная война, а Шестакова А. Ф. уже повела «свою войну» против геологов и всей геологической отрасли. В Минусинском краеведческом музее имени Н. М. Мартьянова, в Красноярском краеведческом, в геологических коллекциях проводились ревизии, исследовались образцы, ранее найденные, на проявление радиоактивности.

А 6 октября 1947 года этот «камень» (то есть, образец № 23, - О. Г.), как сказано всё в той же «Докладной записке товарищу Сталину И. В.», «при переноске в подвал № 1 найденных мною в одном из углов двора Минусинского музея имени Мартьянова почти сотни ящиков коллекций и проб, замаскированных совершенно невообразимым хламом и гадостью».

Во, чёрт побери, как везёт тем, кто ищет! Мы полностью сохраняем стиль автора-доносителя.

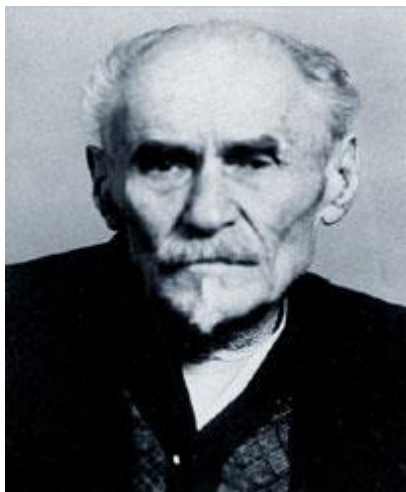
Почти все ящики якобы относились к району рудника «Юлия».

«Изыскатель» Шестакова А. Ф. продолжает свои уточнения: «Часть ящиков была разбита, а содержимое их перевернуто и, видимо, не раз уже изымалось. Всего таких «бесхозных», ни в каких документах и книгах не записанных (снова подчёркивается «не», - О. Г.), ящиков было найдено 5 и 6 октября 1947 года в разных странных местах музея более 500 штук. Принадлежали они 37 геологоразведочным и поисковым партиям...

Все падавшие камни и вылетавшие из ящиков бумажки, включая и те, которые давно выпали при неизвестных мне обстоятельствах и уже стали ветхими (этикетки с названием образцов, откуда они взяты и время находок, - О. Г.), я лично подбирала сама, причём камни я клала на пустые лотки в подвале № 1, а этикетки и все остальные бумажки, чтобы они не пропали и не испортились окончательно от сырости, положила в папку.»

Образец № 23 (именно он, а не 22 или 24) был направлен в лабораторию, где член-корреспондент Академии Наук СССР К. А. Ненадкевич, лучший аналитик урановых руд, сделал заключение, что «образец № 23 почти классически повторяет тип богатых урано-ванадиевых руд Ферганы и, в частности, Тюя-Мююна».

О счастье и несчастье! Тот, кто знает, что значит Тюя-Муюнское месторождение, должен был от радости заплясать. Наконец-то, ещё одно богатство есть! Ну, а другие? А вот другим дорого будет стоить, почему и от кого геологи прятали урановые сибирские месторождения.

«Терпеливо я сопоставляла найденные этикетки с различными литературными источниками, фондовыми материалами, маршрутами Я. С. Эдельштейна и его выучеников (улавливаете, чей жаргон!, - О. Г.), совершёнными по югу Красноярского края, как до революции, так и после неё, а также с некоторыми данными по истории поисков месторождений радия на территории России в дореволюционное время. Как мне кажется, я нашла сейчас правильное решение вопроса, где надо в первую очередь искать месторождение образца № 23 и его аналогов».

Геологи Советского Союза за период после революции и до начала войны 1941 го-да на самом деле совершили

величайший подвиг, открыв столько разных месторождений, что им красной завистью завидовали геологи всего мира. А в Сибири, в том числе в южной её части, чаще всего звучали имена Я. С. Эдельштейна, В. К. Котульского, И. К. Баженова, А. Я. Булынникова, К. С. Филатова, В. Д. Тамошпольской, А. Г. Вологодина, В. В. Богацкого, В. Н. Верещагина, В. М. Крейтера, М. П. Русакова, Б. Ф. Сперанского, М. М. Тетяева, В. А. Хахлова, Ф. Н. Шахова, Л. И. Шаманского и многих других, которые вскоре, после «исследования» Шестаковой А. Ф., окажутся в «шарашках» ГУЛАГа, в лагерях, тюрьмах, часть из них не выдержит методов допросов и умрёт в период следствия...

Гром грянул 30 марта 1949 года. На очередном заседании Политбюро ЦК ВКП (б) одним из пунктов повестки стало «сообщение Пospelова П. Н. и Шестаковой А. Ф.... о состоянии геологических исследований в Красноярском крае».

Нонсенс! История журналистики – ни царской России, ни советской – вряд ли знала хотя бы один случай, чтобы... журналисты докладывали о каких-нибудь делах хозяйственного назначения. Можно с ума спятить!

Но в этот раз было именно так. Решением Политбюро стало создание комиссии под председательством, конечно же, Берия Л. П., членами которой среди других стали Пospelов П. Н. и Шестакова А. Ф. Задачу комиссии поставили жёстко и прямо: в течение десяти дней разобраться с положением дел в Министерстве геологии СССР и принять меры по их улучшению, а также подготовить заключение «О работе МГБ СССР по вскрытию вредителей в геологии и в частности в Красноярском крае».

Куда ещё яснее надо. Бу сделано!

Шестакова А. Ф. срочно выбыла в Красноярск и Минусинск. Она трудилась, не разгибая спины (Господи, прости ты наши души грешные: Шестакова на самом деле была горбуньей, - О. Г.). И уже 12 мая 1949 года на стол товарищам И. В. Сталину, Л. П. Берия, Г. М. Маленкову и П. Н. Поспелову легло 22-х страничное «сочинение» Шестаковой А. Ф. под заглавием «Докладная записка», часть из которой здесь приведена.

Как вам кажется, если бы это была не заранее спланированная акция, то можно было бы, не дожидаясь решения назначенной комиссии Политбюро ЦК ВКП (б) 30 марта, произвести аресты виднейших геологов уже прямо на второй день, то есть 31 марта?!

Да что там говорить о 31 числе, если по злой иронии судьбы первым из первых, ещё 29 марта, в Томске, а стало быть, до заседания Политбюро и создания комиссии, был арестован геолог Николай Евгеньевич Мартьянов. Он тогда работал ассистентом кафедры геологии Томского Государственного университета. Его имя фигурирует весьма не в лестных выражениях в «докладных» (а их было несколько, - О.

Г.) Шестаковой А. Ф. Его имя стоит как бы обособленно от «Красноярского дела» геологов, но это так только кажется. В его имени, его роли соединилось очень многое.

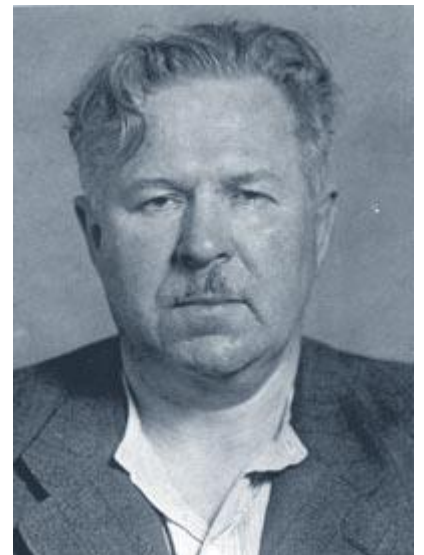
Через два дня после ареста Н. Е. Мартьянова, 31 марта 1949 года, были арестованы в Томске: доктор геолого-минералогических наук, профессор Иван Кузьмич Баженов; кандидат геолого-минералогических наук, ассистент кафедры общей геологии Томского политехнического института Вела Даниловна Томашпольская; в Москве – доктор геолого-минералогических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР Александр Григорьевич Вологдин; директор Государственного института недр, членкорр АН СССР, академик Иосиф Фёдорович Григорьев; кандидат геолого-минералогических наук Виктор Николаевич Доминиковский; главный геолог Тувинской экспедиции, доктор геолого-минералогических наук Юрий Михайлович Шейнман; в Ленинграде – доктор геолого-минералогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР Яков Самуилович Эдельштейн...

Аресты среди геологов покатались лавиной по всей стране. Все они, безусловно, имели отношение и к геологическим исследованиям в Красноярском крае, и непосредственно в районе, где проживал и промышлял теперь неизвестный вам рудознавец, начальник Казанско-Богородской трудовой поисковой артели, начальник Тагашетской партии по редким металлам и землям, краевед и просто безграмотный стукач Прохоров И. Г.

В Московском геологоразведочном институте, в котором кафедрой полезных ископаемых руководил профессор Владимир Михайлович Крейтер, арестованы были несколько студентов старших курсов, прикрепленных к этой кафедре. На этого профессора у Прохорова И. Г. были особые претензии. Он вдруг вспомнил, что в годы гражданской войны такая фамилия ему уже попадалась, конечно же, в стане белогвардейцев.

Арестованных поездами и самолётами доставляли в Москву на Лубянку, где проводилось так называемое несудебное следствие, и помещали, как правило, в камеры-одиночки. Тянулись долгие месяцы страданий.

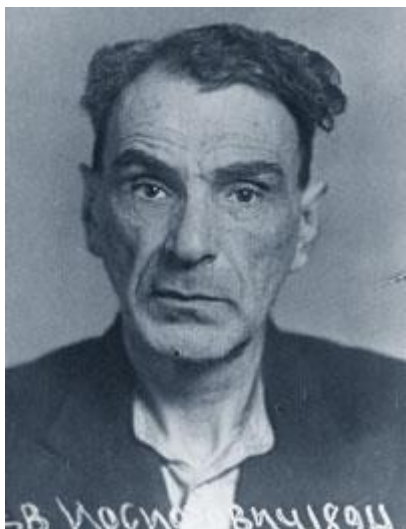
За что? Почему? Тяжело всё это читать, тяжело и объяснить. Проанализируйте вообще 1949 год, и тогда, видимо, многое станет на место.

Мы располагаем свидетельством горного инженера-геолога, доктора геолого-минералогических наук, профессора, академика Академии Наук Казахской ССР, специалиста в области геологии рудных месторождений и металлогении Михаила Петровича Русакова, репрессированного в 1949 году, находившегося в заключении и работавшего старшим геологом в ряде районов Красноярского края. Он рассказывает: «Психическое потрясение от этого сверхстроого режима, от унижительных процедур, от хронической бессонницы и кошмаров короткого полусна, от бесконечной оскорбительной площадной ругани, от катастрофического истощения, от сердечных припадков и т.д., а также упадок сил достигли такой степени, что, во-первых, все показания я стал писать под диктовку следователей со стереотипной фразы «я, нижеподписавшийся, признаю себя виновным в том, что вредительски... или из-за ненависти к Советской власти» и т.д.. А после вызова некоего «специалиста по физкультуре» я согласился подписывать любые протоколы и подписывал их, не читая, наперёд зная, что в них искажено всё от начала до конца... Все обвинения велись с невероятными клеветническими измышлениями, смешанные с неведь откуда добытыми «агентурными» данными и с полным игнорированием фактов, без вызова свидетелей. Все эти сведения выстраивались в заранее составленную следователем схему. И подтверждались так называемыми «очными ставками».

В аналогичном положении находились и другие обвиняемые, хотя в ОТБ -1 города Красноярска условия были несколько иные, но суть их оставалась та же.

Одновременно с проведением «следствия» власти переворачивали кадры в учебных заведениях, научных учреждениях, изъяли учебные пособия тех авторов, кто

попал под их обстрел. «Охота на ведьм» велась широко и жёстко.

Обвиняемых по «Красноярскому делу» на суд не выводили. Большинству из них 28 октября 1950 года объявили, что они осуждены ОСО МГБ СССР за «неправильную оценку и заведомое сокрытие месторождений полезных ископаемых, вредительство, шпионаж, контрреволюционную агитацию» и приговорены к различным срокам заключения в ИТЛ (вплоть до 25 лет) с конфискацией имущества и поражением в правах на 5 лет. Часть приговорённых, не выдержав истязаний, не дожила даже до объявления приговора (И. Ф. Григорьев умер в камере после очередного допроса 14 мая 1949 года. Л. И. Шаманский был болен туберкулёзом лёгких, умер во время следствия 26 января 1950 года.). Уже после вынесения приговора умер в тюремной больнице 12 января 1952 года в Ленинграде на 82-м году жизни Яков Самуилович Эдельштейн. В Норильске 7 апреля 1953 года умер Наум Яковлевич Коган.

«Вредители» были этапированы на геологические объекты ГУЛАГа, где велась разработка месторождений: на Колыму, в Магадан, Норильск, Воркуту, Красноярск, Чукотку. В Красноярске была создана целая система лагерей «Енисейстрой» МВД – «Енисейский ГУЛАГ».

Бессмысленному ostrакизму в 1949 году подверглось всё Министерство геологии СССР. И это после того, как оно ещё совсем недавно было создано. В течение трёх суток непрерывно, непосредственно в самом здании Министерства, где оно находится и сегодня, работала правительственная

комиссия, или «тройка», в составе В. М. Молотова, А. И. Микояна, Л. З. Мехлиса. Перед ней являлся каждый член коллегии министерства, многочасовая «исповедь» лилась и лилась, как река нечистот. Особенно усердствовал на этих допросах Л. З. Мехлис, как вспоминает один из старейших геологов и организатор геологической службы, начальник управления минеральных ресурсов Мингео Г. А. Мирлин. Член «тройки» кричал неистово, шумел, что В. М. Молотов не выдерживал и урезонивал сотоварища.

О «Деле геологов» тогдашний министр госбезопасности Абакумов докладывал даже на Политбюро ЦК ВКП (б). Он с таким пафосом сообщал цифры репрессированных геологов, от чего председательствующий заседания И. В. Сталин не выдержал и бросил реплику: «Абакумов, не очень-то увлекайтесь арестами геологов, а то и разведку недр некому будет вести!»

Весь состав коллегии Министерства геологии был распущен, они были сняты со своих должностей. 11 апреля 1949 года Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило указ о снятии с поста министра И. И. Малышева. Вот чем ему кончилась шутка с Шестаковой А. Ф.

Снятого министра И. И. Малышева пригласил в Кремль И. В. Сталин.

- Мы вас пощадили, поскольку вы по происхождению из рабочих. Но наказали за политическую слепоту. Вы окружили себя врагами народа. А поэтому срочно решите задачу для Череповца. Выезжайте в Петрозаводск, организуйте там геологическую службу и найдите для комбината руду. Едете без возврата в Москву. А не найдёте руду – пеняйте на себя!

После такого «заботливого» разговора И. И. Малышев вместо Карелии попал с инфарктом на полгода в больницу.

Да, руду Илья Ильич на самом деле открыл в Карелии – это известная Костомукша, а Москву увидел уже после смерти Сталина.

Так что «Дело геологов» 1949 года правильнее бы назвать «Разгром геологии Советского Союза». Кому и зачем оно понадобилось?

Новым министром геологии в том же 1949 году был назначен Петр Андреевич Захаров, по образованию металлург, но долгие годы работавший в НКВД. Своей точки зрения, в отличие от И. И. Малышева, он не имел.

В далёкой драме, но не зажившей до настоящего времени, были, как мы уже видели - «преступники», были и «герои». «Преступники» известно сколько получили.

Теперь мы скажем несколько слов и о «наградах героев», что тоже о многом говорит.

Приказом Министра внутренних дел СССР за 1950 год по Главному Управлению «Енисейстрой» МВД СССР персональное звание «Горный техник-геолог I ранга» присвоено Прохорову Ивану Григорьевичу.

Это после выплаты ему всяческих премий, материальной денежной помощи, средств на лечение, выдачи путёвок на курорт, поездок в Москву, оплаты всяческих услуг с неизвестно откуда взятых средств, хотя та же Шестакова А. Ф. иногда делала невинные приписочки: «Из личных средств П. Н. Поспелова». Спасибо, мол, народный радетель, бескорыстный рудознатец. А когда он умер в 1963 году, то его наставница прислала в Курагино такую трогательную и высокопарную телеграмму, что, казалось, время остановилось там, в 1949 году.

2 апреля 1949 года решением Красноярской аттестационной комиссии Управления горного округа было принято решение ходатайствовать перед Центральной аттестационной комиссией о присвоении персонального

звания «Горный директор II ранга» старшему инженеру-геологу контролёру Управления Красноярского горного округа Нейдеру А. Ю. (эта фамилия, имя, отчество нами изменена, - О. Г.)

Кроме того, Указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1949 года Нейдера А. Ю. наградили медалью «За трудовое отличие», а приказом Главного управления госгорнадзора при Совете Министров СССР № 271 от 1 ноября 1949 года за успешное выполнение обследований горных предприятий и геологических организаций, а также за своевременную и правильную информацию о вскрытых недостатках в их работе Нейдер Ю. А. премирован в размере 1000 рублей.

Вскоре Нейдер Ю. А. покинет Сибирь и будет зачислен в штат Мингео СССР, где станет выполнять поручения по особо важным заданиям. Власть всегда дорого платит Иудам.

Все геологические работы по Красноярскому краю и Хакасии из подчинения Красноярского геологического управления переданы весной 1949 года Главному управлению «Енисейстрой» МВД по разведке, эксплуатации и строительству предприятий цветных и редких металлов, включив в свою структуру все геологосъёмочные, геологопоисковые, и геологоразведочные партии Западно-Сибирского геологического управления и Томского Треста «Запсибметаллгеология», а также партии Томской геофизической экспедиции, работавшие в Красноярском крае, и Ангарскую экспедицию Норильского комбината. Лагерь Енисейского ГУЛАГа растянулись от Тувы до самого Ледовитого океана. «Енисейстрой» возглавил генерал-майор А. Панюков, который тесно сотрудничал с корреспондентом «Правды» по Красноярскому краю Шестаковой А. Ф. Он великодушно позволял ей появляться в лагерях и Красноярском ОТБ -1, где безвинно отбывали наказания геологи, за которыми она так тщательно

охотилась, и теперь с наслаждением наблюдала за «подопытными».

Позже, когда Шестакову А. Ф. станут привлекать к партийной ответственности, она даст такую характеристику генерал-майору А. Панюкову и его ближайшим помощникам, что, знай они немного раньше об этом, то точно не избежать бы ей «несчастливого случая».

И всё-таки, то, что было совершено, имело хотя бы видимую логику? Для выявления конкретных объектов «вредительства» во всех территориальных геологоразведочных подразделениях приказом нового министра геологии были организованы так называемые ОРП (особые ревизионные партии). Они проверяли результаты поисковых работ последних лет с задачей обнаружения «умышленно скрытых» месторождений, а также правильность проведённых разведочных работ на ранее выявленных месторождениях. По объёму и трудоёмкости выполнявшаяся работа ОРП была гигантской по трудозатратам и средствам. Свои рапорты и докладные записки они направляли в Мингео, которое было завалено этими бумагами. В абсолютном большинстве своих сообщений ОРП докладывали, что случаев сокрытия месторождений, или умышленного нарушения правил и методов разведки ими не обнаружено. Вот так гора и родила мышь.

ОРП продолжали действовать в течение 1950, 1951 годов, но в 1952 году из-за бесплодности их деятельности решено было прекратить работу ОРП. Всё яснее и яснее становилось, что «разоблачительство» геологов было чистой воды клеветой, и репрессированных светил геологической науки, и производственников - практиков, отбывавших наказание в лагерях и «шарашках», немедленно надо было освобождать.

Но, как в том анекдоте, а кто же дёрнет за верёвочку? Таких не нашлось ни среди министерства геологии, ни среди

партийных органов, ни, к сожалению, среди геологической общественности. Многие знали и понимали, что к чему, однако продолжали быть глухими и слепыми.

Процесс реабилитации репрессированных геологов наступил лишь после смерти И. В. Сталина, и когда не стало Берия Л. П. В 1953 году прекратил свою деятельность и «Енисейстрой».

Формулировка в справках о реабилитации от 31 марта и 10 апреля 1954 года была: «Постановление ОСО от 28.10.50 года отменено и дело за недоказанностью обвинения производством прекращено».

И это все после того, что произошло?! В государстве не нашлось ни одного ответственного, кто бы извинился перед пострадавшими. Лес рубят, щепки летят...

Что же Пospelов П. Н., Аристов А. Б., Шестакова А. Ф., Нейдер Ю. А., Прохоров И. Г.?

П. Н. Пospelов в 1949 году, оставив пост главного редактора газеты «Правда», был утвержден директором Института Маркса, Энгельса, Ленина при ЦК ВКП (б), а затем стал секретарем ЦК КПСС и возглавил работу по координации исторической науки.

А. Б. Аристов в порядке обновления кадров из Красноярска передвинут в Челябинский обком КПСС первым секретарем, а с 1952 года назначен секретарем ЦК КПСС.

Шестакова А. Ф. была уволена из газеты «Правда» и исключена из рядов КПСС за клевету в адрес геологов. Но к судебной ответственности её не привлекли, так как она представила медицинскую справку о невменяемости. Какие взятки с больного? Правда, если бы чуть раньше кто-то задумался над тем, что она совершала и во имя чего, то, быть может, финал был бы иным, или же его вообще не было.

Нейдер Ю. А. вскоре умер в Москве от туберкулёза.

А Прохоров И. Г. ещё долго рассказывал о своих «встречах» с Марией Склодовской-Кюри, гуляющих по страницам книг до настоящего времени. Безграмотного, слепого стукача никто, ни за что не привлекал. Он умер, как «герой нашего времени» у себя на родине в Курагинском районе.

Вышедшие на волю, оставшиеся в живых, участники «Красноярского дела» геологи с жадностью включились в насильно прерванную работу, сделали ещё много открытий, написали великолепные труды по геологии, по которым учатся сегодня в вузах России и которые переведены на многие языки мира. Те люди, честь им и слава, подняли авторитет нашей Родины на небывалую высоту, и они заслуживают особой памяти.

Мы и пытаемся создать всё это в музее геологии Центральной Сибири, уже более двух лет на чистом энтузиазме ведём поисковую работу, бесплатно ездим в командировки, изучаем архивы, и сталкиваемся с такими препонами, что не верится, что мы живём в другое время. По Закону «О реабилитации» нас не допускают к следственным делам, находящимся в основном в Москве, где проходил сверхсекретный процесс над геологами. Ведь ни тогда, ни десятками лет позже в газетах, или журналах, или отраслевых публикациях о «Деле геологов» нельзя было говорить. Да и сами репрессированные вынуждены были молчать.

Кажется, ФСБ, МВД России надо бы самим проявить заинтересованность и раскрыть всё тайное, чтобы воссоздать правдивую картину. Но не тут-то было! Требуют разрешения самих репрессированных (среди которых ни одного живого), их родственников на право ознакомления со следственными делами, а в бывшие партийные документы, переписки, справки разные, тем паче к персоналиям КПСС, и членам Политбюро ЦК ВКП (б),

секретарям крайкомов, обкомов допуск затруднен, потому что существует запрещающий Указ Президента России, подписанный Б. Н. Ельциным. Зачем? Быть может, потому, чтобы не раскрыть и дело по взрыву Ипатьевского дома в Свердловске?

Замкнутый круг. К правде, как утверждают мудрецы, надо идти через семь кругов ада.

Олесь Грек,
Член Союза журналистов России,
Заслуженный работник культуры Республики Хакасия.

От автора:

Р. С. Я журналист – пенсионер. По договору с музеем уже более двух лет исследую эту тему и собираю материал как для экспозиции в музее, так и для книги. Над книгой заканчиваю работу. Но «белых пятен» в самой этой трагической истории немало.

Обращаемся к тем специалистам, кто имел отношение к описываемым событиям, кто занимался разведкой урановых руд в Хакасско-Минусинской котловине в 1949 – 54 г.г., откликнуться. Мы будем благодарны за присланные воспоминания, эпизоды, фотографии, которые обязательно вернем.

Родственников репрессированных геологов просим прислать нам нотариально заверенную доверенность на право ознакомления со следственными делами репрессированных, которые находятся в архивах Москвы и без доверенности к ним подступиться не представляется возможным. В доверенности указать – для журналиста Грека Алексея Григорьевича.

Мы создадим о «Красноярском деле» геологов и книгу, чтобы в изданиях не гуляли фантазии, выдумки, чтобы не было фальсификаций. Но она, наша книга, будет тем достоверней, как все, к кому мы обращаемся, поймут: мы

все в долгу перед светлой памятью людей, кто отдал на алтарь нашей жизни свои знания, талант и огонь души.

Живу в поселке Майна, это на одном из объектов – Майнском месторождении меди – которое входило в Енисейский ГУЛАГ. В музей езжу по мере необходимости. Над книгой работаю дома.

Наш адрес мы указываем и почтовый, и электронный. За любой отзыв будем благодарны.

655614 Республика Хакасия, пос. Майна города
Саяногорска,
ул. Дивногорская д.8. кв.4
Грек Алексей (Олесь) Григорьевич,
Тел. дом. (39042) 4-23-08
E-mail сына Максима: gma2000@mail.ru